

КОЗЕРОГ

Январь мохнатой лапою стучится.
Путь начат.
Он неведомо далек.
Что б ни стряслось, вовек тебе светиться
Созвездие рожденья — Козерог.
Рождается рассвет.
Сквозь темноту струится
Упрямый луч — и нежен, и высок.
И тянется к нему из мерзлоты росток,
И оживает песня в горле птицы.
Какую б гибель ни сулил пророк,
Какое б лихо ни встряхнуло землю,
Я с верой все в бессмертие приемлю,
Пока горит над миром Козерог,
Пока ему светиться суждено
В мое заиндевелое окно.

ВОДОЛЕЙ

В мое заиндевелое окно
Одно и то же каждый день я вижу:
Две черных липы,
в черепице крышу...
И это все как скучное кино.
Неужто мне другого не дано?
Ей-богу, я не тороплюсь к Парижу.
Пускай Рязань, Тюмень...
Мне все равно,
Асфальт погуще будет или жиже.

И вот уж море предо мной искрится,
То степь шумит, то кружат города...
Но круг воды еще не завершится,
А сердце вновь торопится туда,
Где липы черные и где над черепицей
На звезды ночь крошечная дробится.

РЫБЫ

На звезды ночь крошечная дробится.
О, этот запоздалый звездопад!
То, что со мной сейчас, — тому не рад.
А рад чему — то разве только снится.
Под окнами пасется верблюдица,
Рассвета раны день кровоточат.
Пройдет и он. И медленно простится
От умиления выплакав закат.
В рассветных сумерках в степи я морем брежу,
Реальности меняю на надежду,
Твердя себе, что время не пришло.
Но день зачат. Он эту блажь не знает.
Он солнце как обычно зажигает.
Все ярче, ярче! Вот совсем светло!

ОВЕН

Все ярче, ярче... Вот совсем светло!
Откуда это странное свечение?
Со мной иль с утром что произошло?
И если так, то каково значенье?
Был чей-то взгляд и светлое чело,
И сердце сладко сжалось на мгновенье.
Подумалось: ну что за наважденье!
Потом забылось, будто бы ушло.
И вдруг вернулось с новой силой вновь
Неведомое чувство мне — любовь,
Заставив мир весь заново родиться.
Одной любовью только дорожа,
Открылась беззащитная душа,
И хлынул свет, и нет ему границы.

ТЕЛЕЦ

И хлынул свет, и нет ему границы.
У каждого свои календари.
Ночь за окном медлительно струится,
А на душе пришествие зари.
Какому астроному подчинится
Расчет орбит, какими до поры
Мчат наших бед и радостей миры?
Где их исток и сколько век продлится?

Придет ли ночь — длиною в бесконечность,
Иль удивит веселья быстротечность
Хмельного, словно доброе вино.
Для каждого хотя б один сквозь тучи
Горит, горит неугасимый лучик,
И умереть ему не суждено.

БЛИЗНЕЦЫ

И умереть ему не суждено —
Извечному, неведомому зову
Славянского стозвончатого слова,
Земли, где потом вскормлено зерно.
Горят снега ли отблеском багровым,
Продрогший дождь стучится ли в окно,
Иль воскрешает память год суровый,
Или победы славной торжество, —
Все сердцу русскому и дорого, и свято
То гордостью, то горечью утраты...
И это чувство Родины — оно,
Какой бы нас ни удивили новью,
Во все века хранимо нашей кровью,
Не то, чтобы бессмертие дано.

РАК

Не то, чтобы бессмертие дано
Тому, что совершаю ежедневно.
Оно забыто даже мной давно,
Дай Бог, крупица может быть
нетленна.

А жизнь пройдет.
И с нею заодно
Вся суета,

все, что во мне мгновенно.

Но для потомков песней сокровенной
Останется, что нами свершено.
В бетоне городов или таежных трасс,
В металле и строке, отлитых без прикрас,
Увидят нас они, не различая лица.
Мы чашу века изоъем до дна
Не потому, что слава нам нужна,
Но потому, что жизнь — лучей частица.

ЛЕВ

Но потому, что жизнь — лучей частица,
Мгновенен и изменчив ее свет.
Он то звездой разбуженной искрится,
А то — печалью умерших планет.

Каких оттенков в этом свете нет?
Но за один могу я поручиться:
Он освещает дружеские лица
И согревает нас от стужи бед.
Лица ли некрасивого коснется —
И просветлеют грубые черты.
Любая жизнь без цвета доброты
Чернее оскудевшего колодца.
И, как в маяк, поверив в доброту,
Она летит, летит сквозь темноту.

ДЕВА

Она летит, летит сквозь темноту —
Бесхитростная песня о рябине.
Ночь излучает нежность, теплоту,
А чье-то сердце от печали стынет.
Вот голос вдруг взметнулся в высоту
И рухнул, словно не был и в помине.
Остался лишь у ночи на вершине
Тревожный зов, застывший на лету.
О, это одиночество любви!
Оно почти всегда неразделимо.
Но пересилив горести свои
Любовь горит звездой неугасимой.
И лишь когда совсем неумогу,
Искрится вся и гаснет на лету.

ВЕСЫ

Искрится вся и гаснет на лету
Смешная мысль, что все соизмеримо —
Березы ствол с клочком седого дыма
И вечность с горьким привкусом во рту.
Но разве злом измерить доброту?
От правды ложь порой неотделима,
И кажется, что мчишься в высоту,
А сам все ниже падаешь незримо.
Наверно можно взвесить и понять
Все — от ростка до сполоха зарницы,
Рожденному предел его назвать...
И пусть наш разум к этому стремится.
Но верит сердце жизни бесконечной,
Тепло и свет отдав частице встречной.

СКОРПИОН

Тепло и свет отдав частице встречной,
Мы ничего не унесем с собой.
Ни первым снегом осиянный вечер,
Ни голосов умолкнувший прибор.

Уйдет песок из горсти, как живой,
Едва сожмешь его в ладони крепче.
Чем мы скупей, тем только быстротечней
Все то, что нам даровано судьбой.
Любовь иль счастье к нам придут едва,
Как мы тотчас вокруг заборы строим,
Чтоб узаконить вечные права,
А сами место стережем пустое.
Себя в других теряя наяву,
Мы все уходим в росы и траву.

СТРЕЛЕЦ

Мы все уходим в росы и траву.
Не потому ль так трепетно искрятся
Весной поля и в неба синеву
Совсем по-человечески стремятся?
Грустит ли дуб, теряющий листву,
Закружится ли снег в тревожном танце, —
Как будто чьи-то души к нам стучатся
И прожитое чувствовать зовут.
Не потому ль порою беспричинна
Для нас то наша радость, то кручина?
Не потому ль, сверяя ежечасно
Все с разумом, и не приняв молву
О вечности, что душам лишь подвластна,
Живем то в небытье, то наяву?

МГНОВЕНИЕ

Живем то в небытье, то наяву.
Мой милый друг, как горестно мгновенье,
Когда, как боль, подступится сомненье,
Что я не так, как надобно, живу.
То принимаю ложь за откровенье,
То счастье унизительно зову...
Мой милый друг, как часто по теченью,
Как говорится, в жизни я плыву.
И это безразличие к себе
Рождает слепоту к чужой судьбе.
А что страшнее доли бессердечной?
Но стены равнодушия круша,
Вновь оживает чуткая душа.
И нет конца той жизни бесконечной.

ВЕЧНОСТЬ

И нет конца той жизни бесконечной.
Земле и небесам я поклонюсь:
Спасибо вам за ваш светильник вечный,
За Родину, которой я горжусь.

И женщине я поклонюсь сердечно
За верность, за любовь ее и грусть.
Людскому горю — за посильный груз,
И радости людской — за быстротечность.
За веру в жизнь, которой я живу,
За все, за все, что вижу наяву
И что как будто в забытье мне снится...
За миг, когда умрет моя звезда,
За тот первоначальный день, когда
Январь мохнатой лапою стучится.

ЖИЗНЬ

Январь мохнатой лапою стучится.
В мое заиндевелое окно.
На звезды ночь крошечная дробится.
Все ярче, ярче! Вот совсем светло!
И хлынул свет! И нет ему границы.
И умереть ему не суждено.
Не то, чтобы бессмертие дано,
Но потому, что жизнь — лучей частица.
Она летит, летит сквозь темноту,
Искрится вся и гаснет на лету,
Тепло и свет отдав частице встречной.
Мы все уходим в росы и траву.
Живем то в небытье, то наяву,
И нет конца той жизни бесконечной.